

Влияние социокультурного уклада семьи на профессиональное самоопределение детей и подростков

Аннотация

Влияние родителей и других старших членов семьи — один из факторов, воздействующих на профессиональное самоопределение детей и молодежи. В то же время конкретные механизмы этого влияния остаются недостаточно изученными. В основу статьи положена гипотеза, согласно которой определенному цивилизационному укладу (традиционному, индустриальному, постиндустриальному) может быть поставлена в соответствие стратегия участия старших членов семьи в процессе профессионализации ее младших членов. Представлены первоначальные результаты эмпирического исследования представителей родительской общественности; определены содержательные линии, по которым наблюдается единство, либо, наоборот, противоречие во взглядах респондентов на процесс профессионального самоопределения детей и роль родителей в этом процессе. Выявлено, что процесс постепенного принятия «постиндустриальной модели» профессионального самоопределения в российском обществе происходит на фоне нарастающих противоречий в отношении комплекса характеристик, присущих традиционному укладу. Респонденты значительно чаще рассматривают профессию в контексте ее значимости для человека, как основу индивидуального благополучия и средства самореализации, чем в контексте социального служения, что было характерно для традиционного уклада. Наиболее ярко принятие постиндустриальной модели профессионального самоопределения проявляется на уровне инструментальных признаков (непрерывность образования на протяжении всей жизни, высокая профессиональная и межпрофессиональная мобильность, полипрофессионализм как основа профессиональной успешности в современном мире и др.). Кроме того, выявлено изменение основной формы родительского доминирования в процессе профессионального самоопределения детей и подростков: прямое наследование профессий (трудовая династия) сменяется передачей опыта самоопределения от родителей к детям.

Ключевые слова:

профессиональное самоопределение, модель профессионального самоопределения, цивилизационный уклад, постиндустриальная эпоха, семейное воспитание.

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07346 по теме «Исследование ресурсов социальной успешности и профессиональной самореализации в условиях неопределенности социума и рынка труда».

Для цитирования: Сергеев И. С. Влияние социокультурного уклада семьи на профессиональное самоопределение детей и подростков // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1. С. 115–130. DOI: 10.24412/2307-4264-2021-01-115-130

СЕРГЕЕВ

Игорь Станиславович,
доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра профессионального образования и систем квалификаций ФИРО РАНХиГС, Москва.
E-mail: rigen@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2020 г.

Положение о том, что влияние родителей и других членов семьи является одним из ведущих факторов, воздействующих на профессиональное самоопределение растущего человека, давно уже стало общим местом в научных, научно-популярных и методических работах, посвященных профориентационной тематике. Изучение темы «родительского влияния» в процессе профессионального выбора имеет давнюю историю. Уже в 80-е годы прошлого века было убедительно показано, что мнение родителей и «авторитет семьи» в этой ситуации часто являются определяющими [Колосова, 1989]. В исследованиях последних лет встречаются различные цифры, характеризующие масштабы такого влияния. По данным Е. Ю. Кирсановой (2017, Кемеровская область), 69% опрошенных родителей полагают, что лишь они могут правильно решить вопрос о подходящей профессии для своего ребенка [Кирсанова, 2017, с. 39]. В исследовании В. В. Ретивиной (2017, Нижегородская область) выявлена доля студентов вузов, на профессиональный выбор которых в той или иной степени оказало влияние мнение матери (59,8%), отца (41,4%), других членов семьи (29%) [Ретивина, 2019, с. 59]. А. В. Ходыкиным и Н. В. Авдошиной (2018, Самарская область) по результатам социологического исследования выстроена иерархия факторов, оказывающих наибольшее влияние на профессиональный выбор старшеклассников в зависимости от года обучения: на первом месте советы родителей — 71–82% (9–11 классы), на втором — оценка собственных возможностей сдать ЕГЭ по тому или иному предмету — 52–72% [Ходыкин, 2019, с. 202]. Значимость влияния старших членов семьи на профессиональное самоопределение подростка позволяет некоторым исследователям использовать и более выразительные термины, говоря о «родительском давлении» или «доминировании» в процессе профессионального выбора.

В то же время в исследованиях родительского влияния на профессиональное самоопределение школьника можно выявить серьезный дефицит. Все новые подтверждения в общем-то очевидного факта, что такое влияние существует и оно весьма значительно, редко сопровождаются изучением содержания и механизмов этого влияния. Причина, по-видимому, кроется в отсутствии концептуальной базы. Однако даже эмпирический взгляд на эти малоисследованные вопросы показывает, что здесь могут скрываться как серьезные противоречия, так и определенные «триггеры», выявив которые мы сможем существенно повысить результативность педагогического сопровождения профессионального самоопределения школьника.

В качестве концептуальной основы, необходимой для научно обоснованного изучения содержания и механизмов «родительского влияния» на процесс профессионального самоопределения школьников, коллективом разработчиков «Концепции сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования» (2015, науч. рук. В. И. Блинов, далее по тексту статьи — Концепция-2015 [Концепция... 2015]) была выбрана концепция цивилизационных укладов и переходов, разработанная в трудах зарубежных философов,

социологов и культурологов. Изначально это была бинарная типология, выделяющая два типа общества: традиционное общество и общество современного типа. Характеристики «общества современного типа» впервые выделены С. Сен-Симоном, он называл его «индустриальным» [Изложение... 1947]. Впоследствии близкий подход был развит в работах К. Поппера, акцентировавшего внимание на закрытости традиционного общества и открытости общества современного типа [Поппер, 1992]. Наконец, в 70-е годы прошлого века Э. Тоффлер разработал теорию модернизации, которая определялась как процесс перехода от одного типа общества к другому: от традиционного — к индустриальному, или современному, и далее — к постиндустриальному, или «постсовременному» [Тоффлер, 2010].

Более детальная характеристика постиндустриального мира, человека и процесса социально-профессионального самоопределения в этом мире была дана в конце XX — начале XXI века в работах таких исследователей, как А. Г. Асмолов [Mobilis... 2018], З. Бауман [Бауман, 2008], Дж. П. Коттер [Коттер, 2015], Д. А. Леонтьев [Леонтьев, 2015], Н. Талеб [Талеб, 2019], а также в ряде футурологических прогнозов, появившихся в последнем десятилетии ([Будущее... 2015], [Образование... 2018] и др.).

Каждому из трех цивилизационных укладов (традиционный, индустриальный и постиндустриальный) соответствует определенный, внутренне целостный, комплекс ценностей, стереотипов мышления и поведения, которому, в свою очередь, может быть поставлена в соответствие определенная стратегия участия старших членов семьи в процессе профессионализации ее младших членов. Эти стратегии, или модели, семейного самоопределения были охарактеризованы в Концепции-2015 следующим образом:

- *традиционная* модель — профессиональное самоопределение в условиях жестко ограниченного выбора;
- *индустриальная* модель — профессиональное самоопределение в условиях практически неограниченного выбора одной из множества образовательно-профессиональных траекторий;
- *постиндустриальная* модель — профессиональное самоопределение, осуществляемое путем формирования индивидуального набора профессиональных компетенций исходя из личных возможностей и потребностей человека и создания рабочего места «под себя».

Одновременно в Концепции-2015 была выдвинута гипотеза, согласно которой культурное многообразие современной России выражается в том числе в ориентации разных семей на различные социокультурные стратегии профессионального самоопределения, которые сосуществуют друг с другом не смешиваясь. При этом разные стратегии отличаются характером влияния семьи на профессиональный выбор ребенка, степенью субъектной активности ребенка, пространством возможного выбора. В то время как в основе кадровой идеологии традиционного общества лежит формула «человек для работы», в постиндустриальном обществе реализуется противоположная модель — «работа для человека» [Вишневский, 1998]. Сосуществование противоположно направленных векторов «серьезно затрудняет построение целостной идеологии

в кадровой и профориентационной сфере», — отмечалось в Концепции-2015 [Концепция... 2015].

Данный подход получил свое развитие в следующей нашей работе — «Ключевых тезисах концепции профессионального самоопределения в условиях постиндустриальной эпохи» (2019, науч. рук. И. С. Сергеев, далее по тексту статьи — Концепция-2019). Три модели социально-профессионального самоопределения получили более развернутые характеристики.

Традиционная модель предполагает фактическое отсутствие у человека профессионального выбора. Она характерна для семей с сильными династическими традициями и приверженностью идее служения (медицинские работники, кадровые военные и т. п.); для удаленных территорий, где выбор ограничен физически; некоторых национальных регионов. В рамках традиционной модели отсутствие или ограниченность выбора не воспринимаются самоопределяющимся человеком как конфликтная ситуация, самоопределение происходит путем органичного и внутренне обоснованного самоограничения собственной свободы.

Индустриальная модель характеризуется возможностями практически неограниченного выбора одной из множества доступных профессий. В пространстве самоопределения индустриального типа сформировался классический подход к профессиональной ориентации, смысл которого — поиск наибольшего взаимного соответствия человека, с его индивидуальными способностями и склонностями, и профессии, с ее особыми требованиями к работнику¹. Коренной недостаток индустриальной модели заключается в высоком риске отчуждения личности от профессии: чем более самобытен и разносторонне развит человек, тем меньше его способность и готовность вписаться в рамочные требования того или иного профессионального стандарта.

Постиндустриальная модель самоопределения характеризуется максимальной степенью свободы выбора. Она основана на формировании человеком персонального набора компетенций, на основе которого формируется рабочее место «под себя». Конкретные механизмы реализации этой модели различны (предпринимательство, фриланс, стартапы, сетевые проекты, волонтерство, перенастройка производственной задачи под работника и т. д.). Профессиональные треки человека становятся короткими, а процесс самоопределения практически непрерывным [Ключевые тезисы... 2019, с. 6–7].

Принципиально новым шагом в осмыслении социокультурной многоукладности профессионального самоопределения в России, сделанным в рамках Концепции-2019, стало формулирование следующих положений:

– по мере движения к постиндустриальному миру ведущим фактором самоопределения человека становится его собственная позиция по отношению к различным группам базовых ценностей, то есть, по существу, к той или иной модели самоопределения. Выбор «традиционализма», «индустриализма» или «постиндустриализма» как персональной стратегии самоопределения становится делом самого человека;

¹ Ср.: Профессиональная ориентация — деятельность, обеспечивающая «помощь населению в выборе, подборе или перемене профессии с учетом индивидуальных особенностей каждой личности и потребностей рынка труда» [Назимов, 1998, с. 210].

– профессиональное самоопределение индустриального типа в современном мире предоставляет работнику лишь базовый минимум материального дохода и социального признания. В то же время готовность человека к профессиональному самоопределению на основе постиндустриальной модели, основанной на мультипрофессионализме и персональном динамичном наборе компетенций, обеспечивает значительно более высокие возможности для профессионально-трудовой мобильности, маневренности в социально-статусной иерархии и практически неограниченное пространство для личностного развития.

В целом экономическая эффективность работника «постиндустриального типа», как и возможности его вклада в инновационное развитие экономики, несоизмеримо выше, чем аналогичные показатели работников, профессионализация которых осуществляется в контексте традиционной или индустриальной парадигмы. Таким образом, увеличение доли населения, для которой характерно самоопределение постиндустриального типа, является непосредственным фактором развития человеческого потенциала страны.

Для решения этой задачи необходимо выработать новую методологию и новые стратегии профориентационной работы не только с самими обучающимися, но и с их семьями. На первом этапе необходимо получить достоверную картину представленности различных социокультурных моделей самоопределения в российских семьях, уточнить их преобладающие характеристики, выявить противоречия, наиболее негативно сказывающиеся на профессиональном самоопределении детей и молодежи.

В качестве первичного инструмента, позволяющего дифференцировать социокультурные модели родительского участия в социально-профессиональном самоопределении детей, был разработан опросник ТИПИ («Традиционная — Индустриальная — ПостИндустриальная модели самоопределения»), включающий 37 вопросов закрытого типа. Вопросы представлены в форме утверждений, по каждому из которых респондент может выбрать один из трех вариантов ответа: «Согласен», «Не согласен», «Не уверен». Каждое утверждение соответствует той или иной базовой характеристике одной из социокультурных моделей социально-профессионального самоопределения либо определенному ментальному стереотипу, адекватному определенной модели. Целевая группа респондентов — родители, имеющие детей старшего дошкольного или младшего школьного возраста. Таким образом, прохождение респондентом опросника позволяет определить социокультурную модель, на основе которой старшие члены семьи участвуют в профессиональном самоопределении детей и подростков (традиционная, индустриальная, постиндустриальная либо переходный или конвергентный вариант)¹.

В данной статье представлены результаты первичной экспертной апробации опросника ТИПИ, проведенной на ограниченной выборке родителей, имеющих детей старшего дошкольного либо школьного возраста. Выборка охватила представителей восьми субъектов Российской Федерации — жителей городов (примерно две трети респондентов

¹ См. «Опросник ТИПИ» в электронном виде: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSf2MdQLdHnArlVTp0vmBP5seABhR2WKMmetbd6KpdRGGRulaQ/viewform>

живут в мегаполисах), преимущественно работников образовательной сферы. Ограниченность этой первичной выборки и ее низкая релевантность не позволяет делать далекоидущие выводы касательно представленности в современной России той или иной семейной модели самоопределения. Тем не менее уже на основе этого достаточно локального исследования можно сделать определенные выводы о том, по каким линиям наблюдается консолидация мнений респондентов в отношении самоопределения, а какие вопросы, напротив, выступают «линиями разлома», отражая противоречивость общественных настроений.

1. Вопросы, отражающие единство мнений

Наибольшая однородность мнений отмечена по поводу следующего утверждения: «Каждый человек индивидуален, поэтому одни определяют себя со своим профессиональным выбором в 15 лет, другие в 20, третьи в 30 или в 35 лет, и это вполне нормально». С этим утверждением согласны 94,4% респондентов. Соответствующее положение концепции профессионального самоопределения в условиях постиндустриальной эпохи трактуется как «отказ от возрастных стандартов профессионального самоопределения» [Ключевые тезисы... 2019, с. 13]. На смену единым социальным нормам самоопределения, традиционно привязанным к точкам институционального перехода (школа — колледж/вуз, колледж/вуз — трудоустройство), приходит многообразие индивидуальных динамик взросления. Это отражает общую тенденцию движения к постиндустриальному миру, связанному с нарастанием неопределенности. Результаты исследования показывают, что в группе респондентов данная тенденция находит понимание и принятие.

Достаточно однородно мнение респондентов и по поводу другой базовой тенденции формирующегося постиндустриального мира, а именно высокой профессиональной и образовательной мобильности человека. Целая группа вопросов, характеризующая эту тенденцию с различных сторон, выявила консолидированное мнение:

– «Как бы ни был человек успешен в своей работе, у него всегда должна быть возможность начать все с начала» (согласны 91,4% респондентов);

– «Ошибку в выборе профессии можно исправить, получив еще одно профессиональное или дополнительное образование» (согласны 88,9%);

– «Профессиональное самоопределение человека — процесс, который продолжается всю жизнь и никогда не оканчивается» (согласны 83,3%);

– «Я хорошо понимаю людей, которые несколько раз в жизни меняют сферу профессиональной деятельности» (согласны 72,2% респондентов).

Переход от индустриального к постиндустриальному типу цивилизации связан со значительными изменениями в ценностной картине мира, центром которой становится человек с его самобытным набором индивидуальных характеристик, свободой самоопределения, уникальным потенциалом самореализации. Прежняя формула «человек для работы» сменяется новой — «работа для человека», с чем согласны 89% респондентов. Положение о том, что «профессию

ребенку надо выбирать исходя прежде всего из его собственных интересов и склонностей», принимают 82,4%; при этом один из респондентов, выбравших ответ «не уверен», пояснил это тем, что воспринимает формулировку утверждения как не вполне корректную: «Я не считаю, что профессию ребенку надо выбирать (внешнее действие)». Это достаточно ярко отражает постиндустриальную модель в семейном подходе к процессу самоопределения: каждый делает свой выбор сам. И напротив, взгляд на профессиональный выбор человека, характерный для традиционной и индустриальной моделей («Необходимо выбирать ту профессию, которая больше всего нужна обществу»), готовы принять лишь 11% респондентов, не готовы 72,6%.

Преобладающее большинство опрошенных осознают и принимают такую особенность постиндустриального общества, как мультипрофессионализм. «Прежнему пониманию профессионализма как пожизненной приверженности той или иной профессиональной сфере, конкретной профессии, в которой постепенно накапливались знания, опыт, мастерство, приходит на смену мультипрофессионализм, предполагающий возможность и необходимость овладения человеком трудовыми функциями из нескольких видов профессиональной деятельности, в том числе из различных профессиональных областей» [Ключевые тезисы... 2019, с. 4]. В этом отношении наблюдается консолидация мнений по следующим позициям:

– «Важно не столько получить профессию или специальность, сколько научиться быть конкурентоспособным на рынке труда» (согласны 83,2%);

– «Желательно, чтобы выпускники техникумов, колледжей и вузов не только получали специальность, но и были готовы в перспективе открыть свой малый или средний бизнес, связанный с полученной специальностью» (согласны 77,8%, не согласны 5,6%);

– «Хорошо, кроме основной, заодно освоить и одну-две смежные профессии — это надежная защита от безработицы» (согласны 76,5% респондентов).

В то же время результаты опроса показывают, что в общественном сознании значительное место занимают некоторые, хотя и не очень многочисленные, стереотипы, характерные для индустриального понимания профориентационного процесса и места человека в нем. Как уже отмечалось, изначальной задачей профессиональной ориентации выступает поиск наилучшего взаимного соответствия человека и профессии; с тем, что эта задача по-прежнему остается главной и сегодня, согласны 81,5% респондентов. При этом упускается из виду тот факт, что в постиндустриальном мире понятие «профессия» все больше размывается, процесс профессионального самоопределения постепенно приобретает вид накопления и постоянного обновления человеком персонализированного набора компетенций, что в наиболее завершенном варианте приобретает вид формулы «формирование рабочего места под себя». По-прежнему сохраняет свою власть над общественным сознанием и идея «призвания»: с утверждением «Правильно выбрал профессию тот, кто вовремя

осознал свое призвание» согласны 66,8% респондентов. В то же время исследования профориентологов показывают, что идея «призвания» появилась в историческом развитии мира труда и профессий достаточно поздно, на этапе утверждения индустриальной модели профессионализации человека. Понятие «призвание» использовалось как оправдание возможности самостоятельного профессионального выбора человека на фоне доминирующих социальных механизмов наследования профессии: ссылаясь на «свое собственное призвание», сын мог отказаться следовать по династическому пути отца [Пряжникова, Тужилкин, 2013]. Родительская позиция респондентов, ориентированная на привычную профориентационную идеологию «поиска призвания», входит в противоречие с результатами ответа тех же респондентов на другой вопрос: с тем, что «правильно выбранная профессия — это выбор на всю жизнь», согласны лишь 22%, тогда как не согласны — 72,5%. Совместить две обозначенные позиции невозможно: исходя из элементарной логики, нужно признать либо то, что профессиональное призвание человека — не «на всю жизнь», либо наличие у человека, по крайней мере в потенциале, нескольких «призваний» (и то и другое противоречит изначальному определению призвания).

Попутно заметим, что поколение современной молодежи, еще только входящее в профессиональный мир, уже не ориентируется на идею «призвания». Согласно данным другого исследования, проведенного в 2017 году среди студентов нижегородских вузов, более двух третей опрошенных показывают высокую заинтересованность в получаемой специальности и планируют связать с ней жизнь, однако «только 8,1% респондентов видят в своей профессии жизненное призвание» [Ретивина, 2019, с. 59].

Возвращаясь к нашему собственному исследованию, еще раз отметим, что даже в рамках столь односторонней выборки доминирование постиндустриальной модели семейного самоопределения отнюдь не абсолютно. Мы предполагаем, что за пределами данной выборки доля родителей, «индустриально ориентированных» в отношении профессионального самоопределения своих детей, существенно выше. И напротив, доля родителей, поддерживающих ценности и инструменты «постиндустриального самоопределения», значительно меньше. Это подтверждается данными исследования, проведенного К. А. Смирновым в 2015 году с использованием разработанного им опросника, послужившего в значительной степени прототипом опросника ТИПИ и имеющего аналогичную направленность. Исследование проводилось в Иркутской области и охватывало родителей учащихся как городских, так и сельских школ. В результате было выявлено, что «большинство родителей как в городской, так и в сельской местности тяготеют к индустриальной модели профессионального самоопределения (51,8% опрошенных). Постиндустриальной модели следуют 15,5% исследованных семей, традиционной — 6,6%, переходной от традиционной к индустриальной модели — 4,2%, переходной от индустриальной к постиндустриальной модели — 15% опрошенных» [Смирнов, 2015, с. 117]. Стремительные перемены в общественном сознании, произошедшие за последние пять

лет, неизбежно привели к изменению этой картины. Тем не менее, по-видимому, вплоть до настоящего времени постиндустриальная и индустриальная модели профессионального самоопределения конкурируют в общественном сознании, порой приобретая конвергентную (смешанную) форму. Этому во многом способствует государственная политика в области подготовки кадров и профессиональной ориентации, где постиндустриальные ценности и подходы на равных соседствуют с индустриальными и традиционными. Инновационное развитие экономики, удовлетворение текущих потребностей работодателей в кадрах определенной квалификации, воспитание у человека потребности в служении обществу и государству ощущаются как равноценные, хотя и слабо совместимые друг с другом лозунги нашего времени.

2. Вопросы, отражающие «линии разлома»

Данные вопросы в основном имеют то или иное отношение к третьей, традиционной, модели семейного самоопределения. Ценностная доминанта этой модели — идея служения, выраженная формулой «человек для работы». Основные механизмы профессионализации — династическое наследование профессии в семье и сохранение традиций в профессиональном сообществе. По каждой из этих позиций доли респондентов, выразивших позитивное или негативное к ней отношение, оказались примерно равными.

«Я хочу, чтобы мой ребенок получил такую профессию, которая будет прежде всего приносить пользу людям»: согласны — 23,5%, не согласны — 23,5%, не уверены — 53%. Можно предположить, что «неуверенность» в данном случае представляет собой корректную форму отказа от согласия с положением, которое все еще воспринимается как формально одобряемое на уровне общественной морали, но уже не отражает реального состояния общественного мнения. Индивидуализм как ведущий ценностный вектор «постиндустриального самоопределения» еще не афишируется, но уже и не отвергается.

«Выбирая профессию, подросток должен учитывать мнение старших членов семьи»: с этим выразили согласие и несогласие по 29,5% респондентов, не уверены 41%. Как видим, всего лишь менее трети опрошенных придерживаются мнения о необходимости участия семьи в процессе самоопределения. Однако доля «неуверенных» слишком велика, чтобы сбрасывать со счетов сохраняющийся риск родительского давления, хотя бы и в скрытой форме. Интерпретация «неуверенности» может быть в данном случае самой различной, вплоть до вполне авторитарной («не уверен, что надо вмешиваться в профессиональное самоопределение моего ребенка до тех пор, пока оно не расхоится с моими собственными представлениями»).

Стабильность и верность традициям в мире профессий — еще одна линия, по которой респонденты делятся на две примерно равные группы. И хотя в данном случае противников традиционной модели самоопределения несколько больше, чем ее сторонников, доля последних все же довольно велика:

– «Верность избранной профессии — залог успеха в ней»: не согласны — 50,2%, согласны — 38,9%;

– «В профессии успешен тот, кто опирается на традиции и бережно сохраняет все, что прежде уже доказало свою работоспособность»: не согласны — 37,6%, согласны — 29,2%, при этом велика доля «неуверенных» — 33,2%.

Обратим внимание еще на две позиции, которые вызвали противоречивые оценки. Обе они связаны с построением персональных стратегий профессионального самоопределения. «Высокая самоотдача, а порой и „выгорание“ человека на рабочем месте — неизбежная цена высокой трудовой эффективности»: согласны — 41,2%, не согласны — 35,2%. Традиционная модель отношения к профессиональной деятельности призывает смириться с неизбежностью трудового «выгорания» и рассматривает повышенную трудовую самоотдачу не как неизбежность, но как род добродетели. Как видим, относительное большинство респондентов в той или иной степени тяготеют именно к такому подходу, в чем отчетливо проявляется характерная особенность отечественного менталитета. (Вспоминается, как в рамках одного из недавних научно-практических мероприятий из уст представителя медицинской профессии прозвучало следующее характернее определение: «Россия — страна сгоревших на работе людей».) Индустриальная модель предполагает выстраивание договоренности между работником и работодателем относительно условий труда. Что касается постиндустриальной модели профессиональной деятельности, то придерживающийся ее человек самостоятельно регулирует свою нагрузку, используя стратегии частичной занятости, удаленной работы, фриланса, дауншифтинга, slow life, гостинга или др.

«Трудно предположить, как будет выглядеть мир профессий через пять — десять лет, поэтому заранее выбирать себе профессию — рискованное дело»: не согласны — 46,6%, согласны — 42,3%. В данном случае речь идет, по сути, об известном парадоксе: «уже сегодня мы должны подготовить человека к выбору профессии, которая появится только завтра». Разрешение этого парадокса в профориентационной работе видится в ее фокусировке на формировании у растущего человека комплекса профориентационно значимых компетенций, позволяющих ему самостоятельно самоопределяться в мире стремительно меняющихся профессий и компетенций. Полученные нами данные показывают, однако, что примерно половина респондентов не готова к столь радикальному пересмотру своих взглядов на профориентацию, да и на профессиональное образование в целом. По-видимому, именно в контексте такого сопротивления с удивительной регулярностью возникают идеи воскресить ту или иную профориентационную практику советского периода: учебно-производственные комбинаты, трудовое воспитание, общественно-полезный труд, трудовые бригады школьников и т. п. Несмотря на кажущееся принятие реалий современного мира — динамичного и неопределенного, — воспоминания о прошлом продолжают подспудно жить в зоне «сумеречного сознания», определяя противоречивость и непоследовательность взрослых в отношении самоопределяющейся молодежи.

Выводы

1. Наиболее серьезное расхождение во мнениях респондентов наблюдается в вопросах, которые имеют отношение к традиционному взгляду на труд как на социальный долг человека. При этом влияние традиционных ценностей на профессиональное самоопределение, опосредованное воздействием семьи, не так велико, как можно было бы ожидать. Ценность работы «на пользу общества», «для людей» все чаще подвергается сомнению. Доля родителей, которые именно с такой позиции видят будущую профессионально-трудовую деятельность своих детей, заметно ниже, чем доля «человекоцентрированных» родителей, воспринимающих работу с позиций умеренного или жесткого индивидуализма.

2. В отношении к профессионально-трудовой деятельности как к основе индивидуального благополучия человека и средству его самореализации наблюдается значительно большее единство. Это говорит об уже фактически состоявшемся принятии российским обществом (во всяком случае в рамках конкретной группы респондентов) терминальных ценностей самоопределения постиндустриального типа. Еще отчетливее заметно принятие постиндустриальной модели профессионального самоопределения на уровне инструментальных признаков, таких как непрерывность образования на протяжении всей жизни; высокая, в том числе горизонтальная, профессиональная и межпрофессиональная мобильность; полипрофессионализм как основа профессиональной успешности в современном мире и т. д.

В этом отношении особенно характерно почти единодушное признание респондентами индивидуальности возрастных норм профессионального самоопределения. Это родительское (а по сути, общественное) мнение входит в серьезное противоречие с сохраняющейся управленческой традицией привязывать показатели успешности самоопределения к завершению определенной формальной ступени образования (окончание 9-го или 11-го класса школы, колледжа, вуза).

В то же время и в самой родительской позиции можно обнаружить подобное противоречие: среди 94,4% опрошенных родителей, признающих индивидуальность возрастных норм самоопределения (см. выше по тексту данной статьи), 63,4% хотели бы, «чтобы к моменту окончания школы мой ребенок отчетливо представлял, по какой профессии он желает работать». Можно предположить, что этот случай является отражением более широкой тенденции, а именно: «я готов примириться с неопределенностью вообще, но стремлюсь к максимальной определенности в зоне своего контроля».

3. Существуют и другие противоречия в родительской позиции, отражающие ее недостаточную отрефлексированность у определенной части респондентов. Непротиворечивая («чистая») модель семейного самоопределения (постиндустриальная, индустриальная либо традиционная) характерна менее чем для половины опрошенных (44%). У остальных выявлены, примерно в равном соотношении, признаки двух моделей, а у 7% респондентов — и всех трех. Это говорит о том, что многие родители, участвуя в сопровождении профессионального самоопределения своих

детей, ориентируются на взаимно противоречивые внутренние эталоны. В этом случае профессиональное самоопределение школьника приобретает заведомо кризисный характер и заставляет вспомнить образ «конфликтующих реальностей» [Зеер, Кормильцева, Сыманюк, 2015]. Все это делает и без того непростой процесс профессионального самоопределения растущего человека еще более непростым, провоцируя невротические и защитные реакции вплоть до полного ухода в пространство «неосознанной некомпетентности». Для преодоления этой проблемы необходимы максимальная открытость «агентов профориентации», работающих в системе образования, по отношению к родителям, актуализация у родителей партнерских отношений, организация профориентационного нетворкинга с участием родительской общественности [Сергеев, 2017].

4. Результаты исследования показывают, что степень родительского доминирования в процессе профессионального самоопределения детей и подростков не столько снижается, сколько приобретает новый формат. Из прежней плоскости «хард» (в форме прямого наследования профессий по династическому механизму либо, наоборот, в форме категорического предостережения от следования родительскому профессиональному выбору во избежание повторения жизненной неудачи) родительское давление смещается в плоскость «софт» (передача опыта самоопределения от родителей к детям). В то время как почти 89% опрошенных родителей категорически возражают против того, что «лучшая профессия для ребенка — это та, которая продолжает профессию родителей» (остальные 11% «не уверены»), 64,7% из них полагают, что «родители должны передать детям свой жизненный опыт, в том числе связанный с профессиональным самоопределением».

В этом последнем тезисе заключен отдельный риск, связанный с тем, что в условиях непрекращающихся, чрезвычайно динамичных социально-экономических и технико-технологических перемен опыт самоопределения родителей устаревает, не успевая оказаться полезным следующему поколению. Очевидно, что новому поколению, которому предстоит найти себя в мире компетенций первой половины 20-х годов XXI века, вряд ли поможет в этом родительский опыт профессионально-трудового самоопределения образца 90-х или ранних «нулевых». Скорее наоборот, он может дать им ложные ориентиры либо стать источником очередного «конфликта поколений» вместо взаимоуважения и взаимопризнания неизбежных различий в жизненных стратегиях.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Будущее образования: глобальная повестка / Агентство стратегических инициатив, Московская школа управления Сколково. М., 2015. 105 с.
3. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
4. Зеер Э. Ф., Кормильцева М. В., Сыманюк Э. Э. Самоопределение учащейся молодежи в современных конфликтующих реальностях. М.: Изд-во МПСУ, 2015. 100 с.

5. Изложение учения Сен-Симона / Пер. с фр.; под ред. Э. А. Желубовской. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 599 с.

6. Кирсанова Е. Ю. Роль родителей в решении вопросов формирования профессионального самоопределения обучающихся // Профессиональное образование и занятость молодежи: XXI век. Актуальные направления развития системы профессиональной ориентации учащейся молодежи: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 15–16 марта 2017 г.): в 2 ч. Ч. 2. Кемерово: КРИРПО, 2017. С. 39–40.

7. Ключевые тезисы концепции профессионального самоопределения в условиях постиндустриальной эпохи / И. С. Сергеев (науч. рук.), В. И. Блинов, Е. Ю. Есенина и др. М.: Перо, 2019. 17 с.

8. Колосова Л. В. Влияние авторитета семьи на профессиональные интересы учащихся // Педагогика. 1989. № 8. С. 23–35.

9. Концепция сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях непрерывности образования / В. И. Блинов, И. С. Сергеев и др. [Электронный ресурс]. URL: <http://eduidea.ru/file/document/521> (дата обращения: 06.10.2020).

10. Коттер Дж. П. Ускорение перемен / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 190 с.

11. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (дата обращения: 07.10.2020).

12. Назимов И. Н. Профессиональная ориентация // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 2. С. 210–211.

13. Образование для сложного общества: Доклад Global Education Futures / Под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. М., 2018. 211 с.

14. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона / Пер. с англ. М.: Феникс; Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

15. Пряжникова Е. Ю., Тужилкин А. Ю. Исторические предпосылки возникновения и развития профориентации в России и тенденции ее развития на современном этапе // Практика школьного воспитания. 2013. № 4. С. 2–9.

16. Ретивина В. В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. № 1. С. 57–66.

17. Сергеев И. С. Нетворкинг в системе профессиональной ориентации // Платформа-навигатор: развитие карьеры. 2017. № 3. С. 12–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://platforma-navigator.ru/2018/09/30/netvorking-v-sisteme-professionalnoj-orientacii/> (дата обращения: 04.10.2020).

18. Смирнов К. А. Организационно-педагогическая работа с семьями обучающихся в процессе профессионального самоопределения: о некоторых результатах эмпирического исследования // Евразийский образовательный диалог: материалы Междунар. форума / Под ред. М. В. Груздева, И. В. Лободы. Ярославль: ГОАУ ЯО ИРО, 2015. С. 116–118.

19. Талеб Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. 2-е изд. М.: КоЛибри, 2019. 736 с.
20. Тоффлер Э. Третья волна / Пер. с англ. М.: АСТ, 2010. 784 с.
21. Ходыкин А. В. Система профориентации российских школьников в ракурсе социологического исследования (на примере эмпирического исследования школ города Самара) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 11(27). С. 198–213.
22. *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / Под общ. ред. А. Асмолова. М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. 546 с.

Influence of the Socio-Cultural Structure of the Family on the Professional Self-Determination of Children and Adolescents

Author

Igor Sergeev

Doctor of Sciences in Pedagogy, Leading Researcher at the Research Center for Professional Education and Qualification Systems of the Federal Institute for Education Development, RANEPА,

Moscow.

E-mail: rigen@rambler.ru

Abstract

The influence of parents and other senior family members is one of the determining factors affecting the professional self-determination of children and young people. At the same time, the specific mechanisms of this influence remain insufficiently studied. The article is based on the hypothesis that a certain civilizational structure (traditional, industrial, post-industrial) can be aligned with the strategy of participation of older family members in the process of professionalization of its younger members. In modern Russia, families belonging to different socio-cultural structures coexist. Various socio-cultural models of parental influence on children's social and professional self-determination are characterized. The initial results of an empirical study of representatives of the parent community are presented; the author defines the content lines that show unity or, on the contrary, contradiction in the respondents' views on the process of professional self-determination of children and the role of parents in this process. It is revealed that the process of gradual adoption of the "post-industrial model" of professional self-determination in Russian society occurs against the background of growing contradictions in relation to the set of characteristics characteristic of the traditional way of life. Respondents are much more likely to consider the profession in the context of its significance for a person, as the basis of individual well-being and a means of self-realization, than in the context of social service, as was typical for the traditional way of life. The adoption of the post-industrial model of professional self-determination is most clearly manifested at the level of instrumental features (continuity of education throughout life; high professional and

interprofessional mobility; polyprofessionalism as the basis of professional success in the modern world, etc.). In addition, a change in the main form of parental dominance in the process of professional self-determination of children and adolescents is revealed: direct inheritance of professions (labor dynasty) is replaced by the transfer of self-determination experience from parents to children.

Keywords:

professional self-determination, model of professional self-determination, civilizational structure, post-industrial era, family education.

For citation:

Sergeev I. S. Influence of the Socio-Cultural Structure of the Family on the Professional Self-Determination of Children and Adolescents. *Professional'noye obrazovaniye i rynek truda / Vocational Education and Labor Market*, 2021, no. 1, pp. 115–130. DOI: 10.24412/2307-4264-2021-01-115-130

References

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 240 p. (In Russ.)

Budushchee obrazovaniia: global'naia povestka [The Future of Education — a global agenda]. Moscow: Agency for Strategic Initiatives, Moscow School of Management **Skolkovo**, 2015. 105 p. (In Russ.)

Izlozhenie ucheniia Sen-Simona [Exposition of the doctrine of Saint-Simon]. Ed. by E. A. Zhelubovskaya. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1947. 599 p. (In Russ.)

Khodykin A. Sistema proforiyentatsii rossiyskikh shkol'nikov v rakurse sotsiologicheskogo issledovaniya (na primere empiricheskogo issledovaniya shkol goroda Samara) [The System of Vocational Guidance of Russian Schoolchildren from the Perspective of Sociological Research (on the example of empirical research of Samara schools)]. *Skif. Voprosy studencheskoy nauki / Skif. Topics in the Student Science*, 2018, no. 11(27), pp. 198–213. (In Russ.)

Kirsanova Ye. Yu. Rol' roditel'ey v reshenii voprosov formirovaniya professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya [The Role of Parents in Addressing the Formation of professional Self-Determination of Students]. *Professional'noye obrazovaniye i zanyatost' molodezhi: XXI vek. [Vocational Education and Youth Employment: XXI century]. Corp. Int. scientific-practical conf.* Kemerovo: KRIR-PO, 2017, pp. 39–40. (In Russ.)

Klyuchevyye tezisy kontseptsii professional'nogo samoopredeleniya v usloviyakh postindustrial'noy epokhi [Key Theses of the Concept of Professional Self-Determination in the Post-Industrial Era] / Sergeev I. S., Blinov V. I., Esenina E. Y. etc. Moscow: Pero Publ., 2019, 17 p. (In Russ.)

Kolosova L. V. Vliyaniye avtoriteta sem'i na professional'nyye interesy uchashchikhsya [The Influence of the Authority of the Family on the Professional Interests of Students]. *Pedagogika / Pedagogy*, 1989, no. 8, pp. 23–35. (In Russ.)

Kontsepsiya soprovozhdeniya professional'nogo samoopredeleniya obuchayushchikhsya v usloviyakh nepreryvnosti obrazovaniya [The Concept of Support for the Professional Self-Determination of Students in the Context of Continuous Education] / Blinov V. I., Sergeev I. S. etc. Available at: <http://eduidea.ru/file/document/521> (accessed 6 Sept. 2020). (In Russ.)

Kotter J. P. *Uskoreniye peremen [Accelerate]*. Moscow: Olymp-Business, 2015, 190 p. (In Russ.)

Leontiev D. A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti [The Challenge of Uncertainty as the Key Issue of the Psychology

of Personality]. *Psikhologicheskie Issledovaniya / Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html> (accessed 7 Sept. 2020). (In Russ.)

Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen [Mobilis in Mobili: Personality in an Era of Change]. Ed. by A. Asmolov. Moscow: LRC Publ., 2018, 546 p. (In Russ.)

Nazimov I. N. Professional'naya oriyentatsiya [Vocational Guidance]. *The Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vol.* Moscow: Big Russian Encyclopedia, 1998, vol. 2, pp. 210–211. (In Russ.)

Obrazovaniye dlya slozhnogo obshchestva: Doklad Global Education Futures res [Education for a Complex Society: Global Education Futures Report. Ed. by P. Lukshi, P. Rabinovich, A. Asmolov. Moscow, 2018, 211 p. (In Russ.)

Popper K. R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1: Chary Platona [The open society and its enemies. Vol. 1: The Spell of Plato]. Moscow: Feniks Publ., 1992. 448 p. (In Russ.)

Pryazhnikova E. Y., Tuzhilkin A. Y. Istoricheskiye predposylki vozniknoveniya i razvitiya proforiyentatsii v Rossii i tendentsii yeye razvitiya na sovremennom etape [Historical Preconditions for the Emergence and Development of Vocational Guidance in Russia and Trends in Its Development at the Present Stage]. *Praktika shkol'nogo vospitaniya / School Education Practice*, 2013, № 4, pp. 2–9. (In Russ.)

Retivina V. V. Trudovyye tsennosti i ustanovki sovremennoy studencheskoy molodezhi [Labor Values and Attitudes of Modern Students]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia*, 2019, no. 1, pp. 57–66. (In Russ.)

Sergeyev I. S. Networking v sisteme professional'noy oriyentatsii [Networking in The Career-Oriented System]. *Platforma-navigator: razvitiye kar'yery / Navigator Platform: Career Development*, 2017, no/ 3, pp. 12–19. Available at: <https://platforma-navigator.ru/2018/09/30/networking-v-sisteme-professionalnoj-orientatsii> (accessed 4 Okt. 2020). (In Russ.)

Smirnov K. A. Organizatsionno-pedagogicheskaya rabota s sem'yami obuchayushchikhsya v protsesse professional'nogo samoopredeleniya: o nekotorykh rezul'tatakh empiricheskogo issledovaniya [Organizational and Pedagogical Work with Families of Students in the Process of Professional Self-Determination: on Some Results of Empirical Research]. *Yevraziyskiy obrazovatel'nyy dialog / Eurasian Educational Dialogue, Corp. Int. Forum*. Ed. M. V. Gruzdeva, I. V. Loboda. Yaroslavl: IRO, 2015, pp. 116–118. (In Russ.)

Taleb N. Chernyy lebed': pod znakom nepredskazuyemosti [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow: KoLibri, 2019, 736 p. (In Russ.)

Toffler A. Tret'ya volna [The Third Wave]. Moscow: AST Publ., 2010, 784 p. (In Russ.)

Vishnevsky A. Serp i rubl. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR [Hammer and Ruble. Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI, 1998. 432 p. (In Russ.)

Zeer E. F., Syimanyuk E. E., Kormiltseva M. V. Samoopredelenie uchashcheisya molodezhi v sovremennykh konfliktuiushchikh real'nostiakh [Self-Determination of Student Youth in Modern Conflicting Realities]. Moscow: MPCU Publ., 2015, 100 p. (In Russ.)